

АРХЕОЛОГИ-
ЧЕСКИЕ
ВЕСТИ

- 5 -

• 1998 •

СОДЕРЖАНИЕ

В очередной том «Археологические Вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям на территории России и стран СНГ. Впервые публикуется материал о первоначальной истории населения Кавказа и Евразии, результаты многолетних раскопок энеолитического поселения на территории современной Республики Крым, а также уникальные данные антропологического исследования средневекового мотылька Куреваных и др. Особый раздел «Обзоры» составляют статьи по актуальным вопросам археологии, филологии, истории, общества и культуры Древней Руси. В разделе «Специальные материалы» освещены и историческая наука, даются информация о важнейших международных конференциях в Санкт-Петербурге. Одна из глав посвящена обзорам и обзорами по археологии. Среди авторов сборника — ученые из России, Украины, Израиля, Германии, США и Швеции.

Археологические Вести

№5

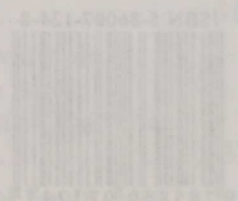
1996—1997

Д

St.-PETERSBURG

1998

ПРИМЕНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

- В.М.Массон.* Археология и культурное наследие страны..... 9

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

- В.П.Любин.* Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии..... 15
- М.В.Аникович, Б.А.Бредли, Е.Ю.Гиря.* Технологический анализ стрелецких треугольных наконечников 42
- В.В.Питулько, А.К.Каспаров.* Древние охотники высокоширотной Арктики: материальная культура и стратегия жизнеобеспечения. 55
- В.И.Тимофеев, Г.И.Зайцева, Г.Поснерт.* Радиоуглеродная хронология цедмарской неолитической культуры в Юго-Восточной Прибалтике. 72
- И. ван дер Плихт.* Калибровка радиоуглеродной временной шкалы. 78
- Ю.Е.Березкин, Н.Ф.Соловьева.* Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) 86
- Н.Ф.Соловьева.* Стенопись Илгынлы-депе..... 124
- В.А.Самар.* Дремайловское поселение эпохи поздней бронзы на юге Украины..... 131
- М.Е.Килуновская, Вл.А.Семенов.* Оленные камни Тувы..... 143
- С.С.Миняев.* Бронзовая пластина-пряжка из Дырестуйского могильника. 155
- Е.Я.Рогов, И.В.Тункина.* Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I..... 159
- И.Н.Храпунов, В.П.Власов.* Новое Кизил-Кобинское поселение в горном Крыму..... 176
- Е.В.Власова, С.Л.Соловьев.* Новые исследования хоры и некрополя Нимфея: 1992-1995 187
- В.Л.Янин.* Две древнерусские вислые печати начала XI в..... 205
- М.В.Шорин.* Культовые камни Приильменя (по материалам Новгородской области). 216
- А.Р.Артемов.* Скрамасакс из псковского некрополя X-начала XI вв..... 228
- С.Л.Санкина.* О скандинавском присутствии на Русском Севере: могильник Куреваниха-2 (к историографии норманской проблемы в антропологии)..... 233

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

- В.А.Алёкин.* Неандерталь, Крапина, Монте Чирчео. Ритуалы в среднем палеолите. 241
- С.А.Васильев.* Стадиализм в палеолитоведении: 60 лет спустя..... 250
- В.М.Массон.* Эпоха древнейших великих степных обществ. 255
- Б.Я.Ставиский.* "Кушанская проблема" и археология Средней Азии (1968-1993 гг.) (некоторые итоги).. 268
- Н.Г.Горбунова.* Об одном типе бронзовых зеркал ("бактрийские"? "сарматские"?). 283
- Т.С.Нунан.* Возникновение Киева как важного европейского торгового и ремесленного центра домонгольского периода..... 297

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Двадцать пять лет археологических исследований в Дании.* Digging into the Past. 25 Years of Archaeology in Denmark. Ed. by Steen Hvass and Birger Storgaard. Arhus. 1993. (Рец. В.М.Массона). 313
- Всемирная доистория: взгляд из Франции.* J.Garanger (dir.) La préhistoire dans le monde. Paris. 1992. (Рец. С.А.Васильева). 316
- История жилища от австралопитеков до первых земледельцев.* R.Desbrosse, J.Kozlowski. Les habitats préhistoriques. Dés Australopithèques aux premiers agriculteurs. Cracovie-Paris. 1994. (Рец. Н.К.Анисюткина, С.В.Васильева). 319
- Тайны подземных святилищ.* Jean Clottes et Jean Courtin. La grotte Cosquer. Peintures et gravures de la caverne engloutie. Paris. 1994; Jean Clottes. Les cavernes de Niaux. Art préhistorique en Ariège. Paris. 1995; Jean-Marie Chauvet, Eliette Brunel Deschamps, Christian Hillaire. La grotte Chauvet a Vallon-Pont-d'Arc. Postface de Jean Clottes. Paris. 1995. (Рец. З.А.Абрамовой). 322
- Фундаментальный труд по древнеиндийской цивилизации.* В.В.Lal. The Earliest Civilization of South Asia (Rise, Maturity and Decline). New Delhi. 1997. (Рец. А.Я.Щетенко). 331

РАСПИСНАЯ И ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПАНСКОЕ I

Е.Я. РОГОВ, И. В. ТУНКИНА*

Не подлежит сомнению, что своими успехами современное антиковедение во многом обязано существованию хорошо разработанных хронологических схем. В этом ряду важнейшим датированным источником является расписная и чернолаковая керамика. Датировочные возможности этой массовой категории находок стали особенно очевидными после выхода из печати XII тома Афинской Агоры (Sparkes, Talkott 1970 далее АА XII). К сожалению, в отечественной литературе подобных разработок пока нет, как нет и сколько-нибудь полных публикаций чернолаковой и расписной керамики того или иного памятника. Это одна из причин, заставивших авторов взяться за подготовку к изданию керамического комплекса некрополя Панское I.

Некрополь Панское I расположен возле одноименного поселения на берегу Ярлыгачской бухты в северо-западном Крыму. Его раскопки велись Тарханкутской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР с 1969 г. Ежегодную информацию смотри в "Археологических открытиях" начиная с 1969 г. В последние 5 лет некрополь подвергся опустошительному разграблению. Очевидно, что эти материалы для науки навсегда утрачены.

В керамическом комплексе некрополя чернолаковая и расписная керамика занимает ведущее место и составляет более 50%. В настоящей работе нами учтено 82 целых и фрагментированных сосуда, хронологический диапазон которых охватывает время с последней четверти V — до начала III вв. до н. э. Подавляющее большинство сосудов аттического производства, лишь 7 предметов, судя по специфическим характеристикам глины, лака и формы, происходят из каких-то неустановленных, вероятно, средиземноморских или причерноморских центров.

Чтобы избежать терминологической путаницы в названиях форм керамических изделий, которая существует в отечественной и зарубежной литературе, мы приводим наряду с принятыми у нас наименованиями термины, упот-

ребляемые в наиболее авторитетных изданиях. Типологическая принадлежность сосудов указывается по классификации Т.Иванова (Аполлония 1963). Расписную керамику мы не выделяем в самостоятельный раздел, поскольку росписью покрывались сосуды тех же форм, что и простые чернолаковые изделия.

В тексте опущено описание стандартных форм сосудов, за исключением тех случаев, когда вещи выделяются из общей массы особыми признаками. К ним мы относим не только своеобразие профиля, но и такие важнейшие датировочные показатели как характер штампа на дне, вместилища и орнаментации на внешней стороне дна.

Чернолаковая и расписная керамика некрополя Панское I встречается в том же стандартном наборе, который характерен и для других некрополей Северного Причерноморья IV в. до н.э. В то же время она имеет некоторые отличия.

На первом месте по числу находок оказались лекифы — 27 экз., на втором месте килики — 18 экз., на третьем канфары — 11 экз., на четвертом скифосы — 5 экз. Одноручные чаши и солонки встречаются в четырех случаях. Найдены также фрагменты трех кратеров и трех асков, две кружки, одна ойнохойя, одна чаша, по одному алабастру, амфориску, блюду и рыбному блюду. На пяти киликах, шести канфарах, двух одноручных чашах и одной солонке имеются граффити.

Как видно из приведенных цифр, в составе нашей коллекции больше половины всех форм составляют застольные чаши, а треть — туалетные флаконы. Подавляющее большинство найденных вещей носит утилитарный характер. Многие вещи имеют признаки длительного использования, а три сосуда (№№ 60, 74, 82) даже следы ремонта.

Кратеры (№№ 48-50, рис. 1: 4-11, 2: 1-4, 3: 1-2). К этой группе принадлежат фрагменты разбитых сосудов, скорее всего, при совершении тризн. Судя по сохранившимся обломкам венцов, можно установить, что разбито было не

* Е.Я.Рогов, И.В.Тункина. Россия. Санкт—Петербург. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

Рис. 1 Расписная керамика из некрополя Панское I. 1-2 - №58; 3 - №99; 4-11 - №50

Fig. 1 Painted ceramics from the necropolis of Panskoye I. 1-2 - №58; 3 - №99; 4-11 - №50

менее трех, но и не более пяти кратеров.

Два из них (№ 48 и 49, рис. 3: 1-2) принадлежат к широко распространенному типу оксибафов — колоколовидных кратеров без плеч с небольшим отогнутым наружу венцом. С внешней стороны венцы украшены небрежной гирляндой лавровых листьев. Подобные сосуды характерны для второй половины V в. до н.э. — первой половины IV в. до н.э.

На кратере с большим устьем (№ 48), вероятно, были изображены сцены дионисийского круга, особенно популярные в это время (Блаватский 1953:221). Три сохранившиеся фрагмента тулова позволяют судить о характере росписи. На одном из обломков голова сатира в профиль вправо, борода и волосы переданы отдельными прядями жидким лаком, глаз показан тонкой маленькой "галочкой", ресницы, веки и брови — тонкими линиями пером. На втором фрагменте изображение выполнено не менее тщательно. Это, скорее всего, безбородый Дионис, волосы которого выются зигзагообразными волнистыми линиями. На третьем фрагменте сохранилось лишь изображение кисти руки с тирсом. По характеру росписи и качеству лака кратер следует отнести к рубежу V—IV вв. до н.э. — не позднее первой четверти IV в. до н.э.

О втором сосуде (№ 49) приходится судить по гораздо меньшему числу обломков. На сохранившихся фрагментах росписи видны головы двух мужчин, обращенные лицом друг к другу. Волосы переданы пятнами разбавленного лака и отделены от фона узкой полосой в цвете глины. Здесь, скорее всего, изображены стоящие друг против друга эфебы в гиматиях — мотив, широко распространенный в росписи задней стороны ваз. Этим объясняется меньшая тщательность проработки рисунка. Сосуды такого типа повсеместно датируются первой половиной IV в. до н.э. (Аполония 1963:168-169, № 359; Козуб 1974: рис.19:2).

Уникальным по форме является кратер (№ 50) с изображением Диониса и его фиаса. Имеющиеся фрагменты позволяют сделать графическую реконструкцию сосуда (рис. 2: 4). Высокий венец заполнен сплошным круговым фризом с единым сюжетом — юный Дионис с тирсом, два сатира и четыре менады. Фигуры скомпонованы в три группы, причем две из них сохранились полностью. Роспись венца отличается некоторая небрежность, трактовка одежд суммарна без детальной прорисовки; наблюдается повторение поз фигур. Фрагменты тулова дают представление о росписи средней части вазы — это также сцены из жизни Диониса. Сохранилось изображение сидящего бородатого Диониса с тирсом в руке, части фигур менад и сатиров (рис. 1: 4-11; 2: 1-3). Кратер является

типичным образцом продукции мастеров беглого стиля первой половины IV в. до н.э. Судя по характеру росписи, время его изготовления — рубеж первой и второй четвертей IV в. до н.э.

Полной аналогии сосуду подобрать не удалось. Имеются три более или менее сходных экземпляра — кратер из могилы № 1517 с изображением Диониса и его спутников, найденный в некрополе Херсонеса (Белов 1945; Гриневиц 1959:116-117), два парных кратера из Лувра (Pottier 1922; 1922a) и кратер из Стокгольма (Antonsson 1958:107). По стилю росписи наш кратер отличается от вышеупомянутых ваз. Повидимому он расписан каким-то иным мастером.

Чернолаковая ойнохойя (№ 51, рис. 5: 16) на низкой кольцевой подставке с широким туловом и сравнительно узкой шейкой. Особенностью сосуда является яйцеобразная форма тулова. Схожей формы сосуд найден в могильнике у с. Николаевка в комплексе, не дающем узкой даты (Мелюкова 1975: рис.45:5). Точнее датируется экземпляр из Олинфа — конец V в. до н.э. (Olynth. № 287 pl.1:152). Весьма близкими по форме являются краснофигурные ойнохойи из некрополя Аполонии, которые Т.Иванов относит к середине — третьей четверти IV в. до н.э. (Аполония 1963: № 267,269,274). Однако найденный с одним из сосудов полихромный лекиф указывает скорее на конец V — начало IV вв. до н.э. Учитывая приведенные аналогии, дата ойнохойи из Панского I должна быть определена в пределах первой половины — середины IV в. до н.э., чему не противоречит и инвентарь погребения.

Большее половины сосудов из некрополя составляют застольные чаши. Среди них первое место принадлежит **киликам**, относящимся к пяти типам (№ 52-69).

Наиболее ранним является тип, представленный тонкостенной чашей на низкой кольцевой подставке (№ 52; 5: 7), близкий так называемым киликам группы Романченко. Внутренняя поверхность дна украшена двумя поясами резных лучеобразных линий, ограниченных концентрическими кругами, между которыми помещено 9 четких изящных пальметт. На внешней стороне дна четыре лаковые окружности, разделенные концентрическими ребрами в цвете глины (ср. Фармаковский 1911:134). Издатели материалов Афинской Агоры определяют хронологические рамки для подобных сосудов, входящих в группу "изящный класс", от 2-й четверти V в. до н.э. до 2-й четверти IV в. до н.э. (AA XII № 484-489). В Северном Причерноморье они имели широкое распространение в V в. до н.э. Многие из них происходят из Ольвии, где они встречаются в комплексах не позднее V в. до н.э. (Козуб 1974:43-45), а также

Рис. 2 Сюжеты росписи на сосудах из некрополя Панское I. 1-4 - №50; 5 - №100; 6 - №105; 7 - №104; 8 - №103; 9 - №102.

Fig. 2 Figurative painting on vessels from Panskoye I. 1-4 - №50; 5 - №100; 6 - №105; 7 - №104; 8 - №103; 9 - №102.

в Никонии. Весьма близким как по оформлению дна вместилища, так и по форме представляется сосуд из Елизаветовского могильника (Брашинский 1980: № 39). И.Б.Брашинский датировал килик третьей четвертью V в. до н.э. Однако, судя по инвентарю погребения, дата комплекса — конец V в. до н.э. (Брашинский 1980:161). Этим же временем датируются экземпляры из раскопок Афинской Агоры (AA XII № 487,512). Наш сосуд следует отнести к концу V — началу IV вв. до н.э.

Пять сосудов типа **болсал** (№ 53-57).* Т.Иванов разделил тип на два одновременных варианта А и Б (Аполония 1963:181). Оба они представлены в материалах некрополя Панское I. Датировка сосудов типа болсал обычно определяется в пределах последней четверти V в. до н.э. — конца IV в. до н.э. (AA XII pl.108; Козуб 1974:45). Между тем, анализ узко датированных погребальных комплексов из некрополей Северного Причерноморья приводит к заключению, что этот тип сосудов не встречается позднее середины IV в. до н.э. Их поступление на рынки Северного Причерноморья закончилось, судя по всему, уже во второй четверти IV в. до н.э. Килики типа болсал из некрополя Панское I мы относим к рубежу V-IV вв. до н.э. — первой четверти IV в. до н.э.

Самая многочисленная группа киликов — сосуды на невысокой профилированной подставке с валикообразным, выступающим наружу венцом (№ 58-67, рис. 5). Выделяется два варианта типа — ранний (№ 58-62) и поздний (63-67).

К числу ранних сосудов относится краснофигурный килик (№ 58; рис. 1: 1-2), ставший предметом специального исследования К.С.Горбуновой (1977). На стороне А изображен Аполлон Епифаний в длинном хитоне и лавровом венке, сидящий на грифоне; на стороне Б менада с тирсом в левой руке, лицом к силену, который протягивает ей рог с вином. Орнаментация в области ручек четкая и изящная. Хорошо прорисованы пальметки, окруженные сплошной линией растительного усика и соединенные волутообразными завитками. Внутренняя поверхность чаши по венцу украшена гирляндой из листьев плюща в цвете глины и цветов, некогда нанесенных белой накладной краской. Строгость и четкость рисунка, пропорции лица и фигуры Аполлона напоминают роспись аттических вазописцев последних десятилетий V в. до н.э. К.С.Горбунова пришла к заключению, что килик относится к ранним произведениям мастера чаши из Иены и датировала сосуд временем близким к 400 г.

до н.э. (Горбунова 1977:45). Мастер чаши из Иены был одним из крупнейших мастеров краснофигурной росписи. Ему приписывают 72 работы. Большею частью они представлены фрагментами сосудов, найденных в 1853 году при раскопках керамических мастерских в Афинах. Произведения вазописца написаны в изящной широкой манере, тонкими текучими линиями, без перегруженности и вычурных эффектов (Richter 1946 pl. 158). Не только манера росписи, но и украшение внешней и внутренней стороны дна подтверждают выводы К.С.Горбуновой (ср. Uge 1944 pl.V:16; pl.VII;11-14).

Два других краснофигурных килика представлены фрагментами. С внешней стороны чаш на обоих сосудах нанесена полоса ов. В нижней части тулова одного из сосудов (№ 62, рис. 3: 4) сохранилось изображение полы хитона и ноги стоящего вправо человека. Изображение срезано снизу поясом небрежно прорисованных широких ов. Складки одежды и пальцы ног переданы пером резкими линиями густого лака. По характеру росписи сосуд не может быть датирован ранее первой половины IV в. до н.э. Особенностью второго килика (№ 59, рис. 3: 5) является аккуратная прорисовка ов и применение пурпурной краски для украшения внешней стороны дна и венчика, что позволяет отнести его к первой четверти IV в. до н.э.

К позднему варианту киликов в нашей коллекции принадлежит пять экземпляров (№ 63-67, рис. 5). У этих сосудов более массивный и резче отогнутый венец; желобок под венцом, в отличие от ранних экземпляров, узкий или отсутствует вовсе. Уменьшается диаметр подставки, а сама подставка становится выше. При раскопках Афинской Агоры килики этого варианта не встречены, отсутствуют они и в материалах Олинфа. Подобные килики в погребальных комплексах северного Причерноморья встречаются с материалом первой половины — середины IV в. до н.э., а именно, с гераклеийскими амфорами типа 1-А, фасосскими биконическими "развитого" варианта, лекифами с сюжетными изображениями (ср. Брашинский 1980: № 171; Аполония 1963: мог. 434; Мелюкова 1975: мог. 7, к3 п2; Ebert 1913:4S, 3B). Набор сопутствующих киликам находок заставляет принять для них дату — вторая четверть — середина IV в. до н.э. Вместе с тем, не следует исключать возможность бытования этой категории сосудов и в следующей четверти столетия.

Четвертый тип представлен единственным экземпляром так называемых тюльпановидных

* Другие названия — низкий скифос, чаша-котила.

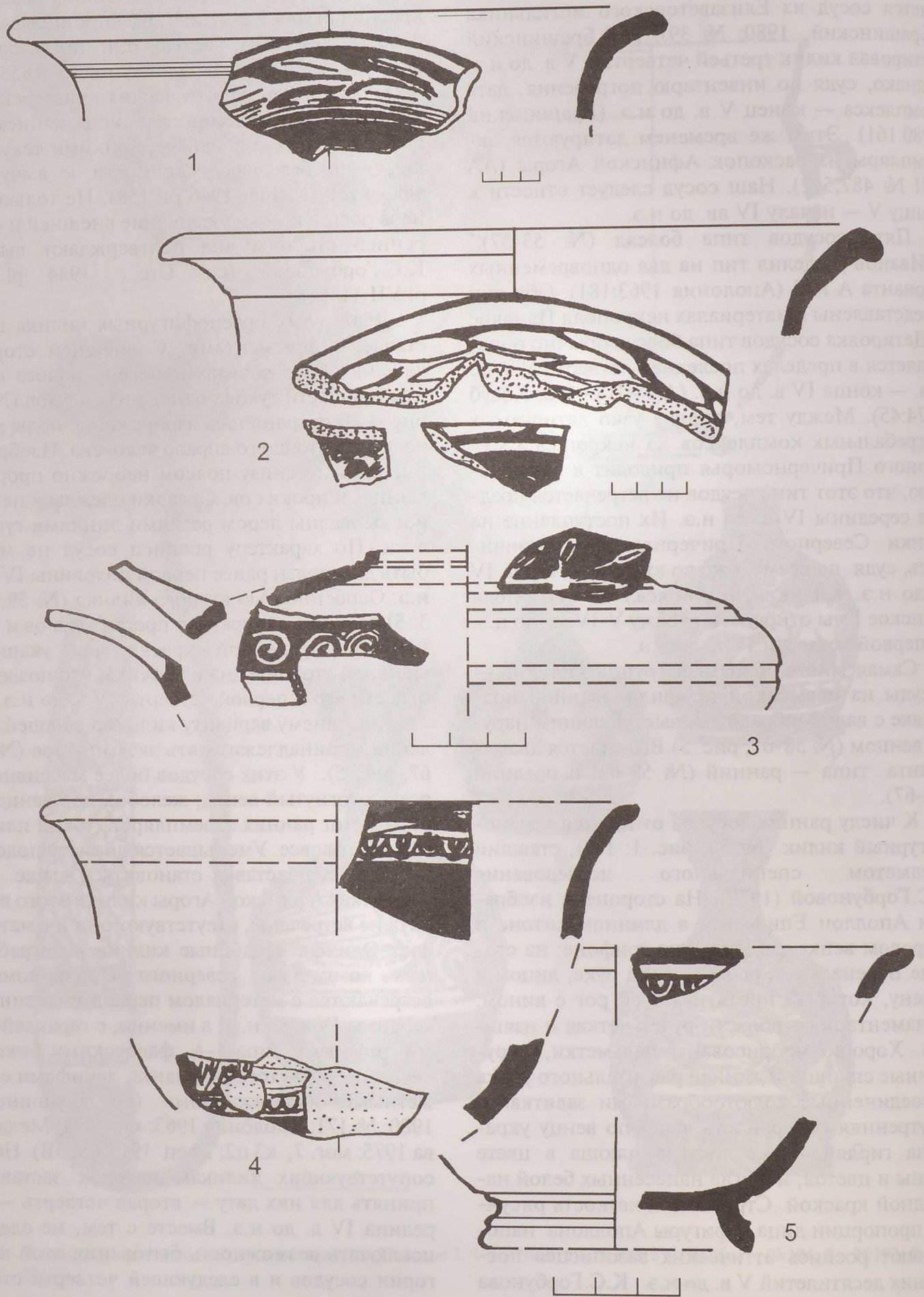

Рис. 3 Обломки расписных сосудов из некрополя Панское I. 1 - №48; 2 - №49; 3 - №98; 4 - №62; 5 - №59

Fig. 3 Fragments of painted vessels from Panskoje I. 1 - №48; 2 - №49; 3 - №98; 4 - №62; 5 - №59

киликов (№ 68, рис. 5: 1). На его внутренней стороне дна оттиснуты четыре четкие пальметки в кругу овальных насечек. Выпуск сосудов этой формы начался в Аттике в третьей четверти V в. до н.э. и пользовался устойчивой популярностью до второй четверти IV в. до н.э. В отечественной литературе встречается мнение, что сосуды этого типа бытуют до конца IV в. до н.э. (Козуб 1974:46) или даже до начала III в. до н.э. (Парович-Пешикан 1974:69). Между тем, анализ погребальных комплексов Причерноморья, содержащих килики этого типа показывает, что поступление их на рынки Причерноморья прекращается не позднее середины IV в. до н.э. Килик № 68 из некрополя Панское I следует датировать второй четвертью IV в. до н.э.

Один сосуд принадлежит к группе канфаровидных киликов (№ 69 рис. VI:12). Выпуск сосудов этой серии начался в начале IV в. до н.э. и продолжался на протяжении трех четвертей столетия (AA XII: 117-118). Килик из некрополя Панское I имеет высокую профилированную ножку, валикообразный подтреугольный в сечении венец. Дно украшают четыре пальметки, концы которых соединены пересекающимися дугообразными линиями в кругу трех поясов небрежных насечек. В Причерноморье основная масса находок канфаровидных киликов падает на вторую и третью четверти IV в. до н.э. при этом весьма представительная серия происходит из степной Скифии (см. Онайко 1970; Бессонова и др. 1988:42). Судя по аналогиям, килик № 69 датируется серединой—третьей четвертью IV в. до н.э.

При раскопках некрополя найдено три целых чернолаковых и обломки краснофигурных **скифосов** беглого стиля (№ 70, 72-75, рис. IV:11-16).

На первом сосуде (№ 72, рис. 4: 12-13) сохранилось изображение юноши в гиматии влево и часть пальметки под ручкой. Такие сосуды принадлежат к числу рядовых изделий аттических мастерских IV в. до н.э.; как правило, на обеих сторонах чаш изображались эфебы, облаченные в гиматии. От второго сосуда сохранилась нижняя часть тулова на плоском валикообразном дне с частью росписи в виде полосы продолговатых ов (№ 70, рис. 4: 14). Подобные скифосы датируются не позднее первой половины IV в. до н.э.

Чернолаковые скифосы (№ 73-75) по форме принадлежат трем типам по классификации Т.Иванова (Аполония 1963): № 75 к типу 1, № 73 к типу 3, № 74 к типу 5. Между тем, сопоставление модулей типов I-IV и их корреляция дает постепенное нарастание величины модулей, что, на наш взгляд, однозначно свидетельствует о развитии одного типа, а не раз-

ных. По этой причине более приемлемой представляется типология, принятая издателями материалов афинской Агоры, которые делят скифосы всего на два типа — афинский и коринфский (AA XII: 81). К первому из них в нашей коллекции относятся сосуды № 73 и 75, ко второму № 74. Скифос № 75 имеет прямой венец, массивные ручки и слабо сужающееся к дну тулово; форма его тяготеет к скифосам V в. до н.э. (ср. Olynth XIII: мог. 364,327; AA XII: № 346,347). Сосуд сформован из нехарактерной для аттических изделий сероватой глины с небольшой примесью слюды. Снаружи и изнутри покрыт черно-серым лаком низкого качества, нижняя часть тулова и поддон оставлены в цвете глины. Скифосы такой формы в погребальных комплексах встречаются вместе с хисосским позднепухлогорлыми амфорами, амфорами с прямым горлом, высокими цилиндрическими лекифами, болсалами и киликами типа (AA XII: № 463,546). Все это безусловно указывает на V в. до н.э. Наш сосуд, вероятнее всего, относится к концу V или к самому началу IV в. до н.э.

Скифос № 73 имеет слегка отогнутый венец, тонкие ручки и плавно сужающееся к дну тулово (рис. 4: 15). Дно в цвете глины украшено двумя лаковыми концентрическими кругами. Сосуды такой формы характерны для погребальных комплексов первой половины IV в. до н.э. Наш сосуд относится ко второй четверти этого столетия.

Третий скифос № 74 относится к коринфскому типу. Это изящная тонкостенная чаша с вогнутым внутрь краем и резко сужающимся к дну стенками на маленькой конусовидной подставке (рис. 4: 11). Большая часть сосуда залита черным лаком, только фриз над подставкой оставлен в цвете глины и заполнен косой лаковой штриховкой. Развитие этого типа скифосов прослеживается на протяжении всего VI, V и части IV вв. до н.э. (AA XII: 81-83). У скифосов позднего варианта форма тулова приближается к овалу. Для V — начала IV вв. до н.э. больше всего скифосов этого типа найдено в некрополях Родоса (см. Clara Rodos 1932 II: p.131,12; p.141,19; p.147,27; p.159,33; Clara Rodos 1932 III: p.159,152; p.247,244). Два экземпляра из Олинфа происходят из могил, датирующихся первой половиной IV в. до н.э. (Olynth IX: мог. 303,526). Наш сосуд также относится к первой половине IV в. до н.э., а именно ко второй его четверти.

Канфары (№ 76-84, рис. VI:2-13) представлены четырьмя типами. Пять сосудов (№ 76-80а) третьего типа по классификации Т.Иванова характеризуются приземистыми пропорциями, соотношение диаметра венца и высоты сосуда примерно 1:1, или высота несколько мень-

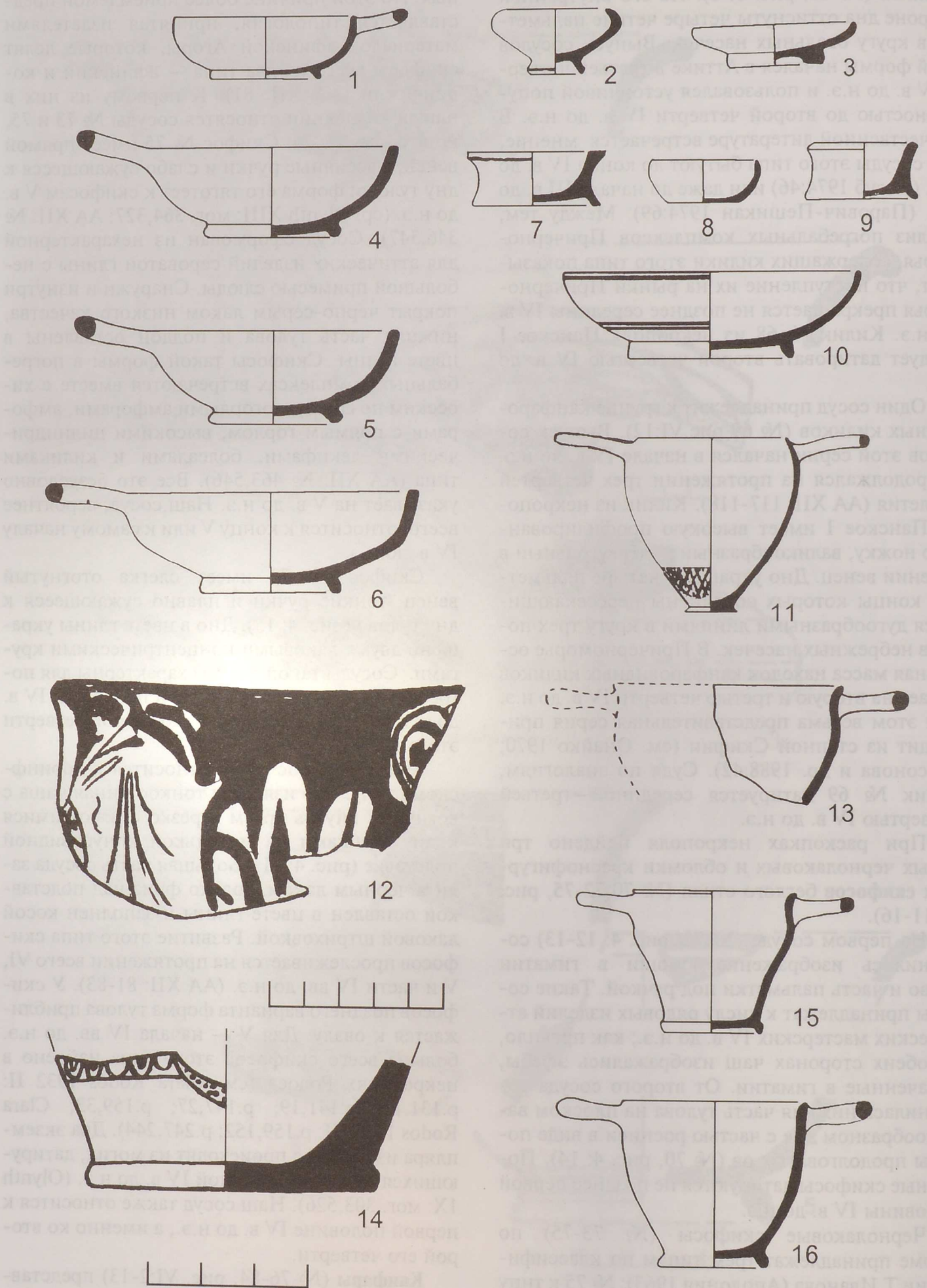

Рис. 4. Фрагменты расписных сосудов и черноталочная керамика из некрополя Панское I. 1 - №57; 2 - №96; 4 - №89; 5 - №90; 6 - №88; 7 - №94; 8 - №93; 9 - №95; 10 - №91; 11 - №74; 12, 13 - №70; 14 - №72; 15 - №75; 16 - №73.

Fig. 4. Fragments of painted and black-lacquered vessels from Panskoye I. 1 - №57; 2 - №96; 4 - №89; 5 - №90; 6 - №88; 7 - №94; 8 - №93; 9 - №95; 10 - №91; 11 - №74; 12, 13 - №70; 14 - №72; 15 - №75; 16 - №73.

ше диаметра. Все сосуды имеют характерный валикообразный, подтреугольный в сечении венеч, называемый иногда литым. Дно, как правило, украшено штампованным орнаментом в виде крестообразно расположенных пальметок в обрамлении круга насечек. Один сосуд имеет канелированное тулово (№ 76, рис. 4: 7).

Группа канфаров с литым венцом по материалам афинской Агоры датируется второй — последней четвертями IV в. до н.э. (AA XII: 122). Классифицируя сосуды из Олинфа, Д. Робинсон взял за основу соотношение между высотой сосуда и диаметром венца (Olynth XIII: 247-283). Появление канфаров с литым венцом он отнес к началу IV в. до н.э. Однако анализ погребальных комплексов с канфарами этого типа приводит нас к выводу о том, что такие чаши в первой четверти этого столетия в Северном Причерноморье еще не встречаются. Так как в некрополях Северного Причерноморья такие канфары сопровождаются фасосскими биконическими амфорами развитого варианта, гераклейскими амфорами типа II с клеймами 2 и 3 групп по классификации И.Б. Брашинского, можно ограничить время бытования канфаров с литым венцом в этом регионе пределами второй — третьей четвертей IV в. до н.э. (Брашинский 1980).

Второй тип канфаров представлен единственным экземпляром (рис. 6: 3, № 81). Он имеет маленький отогнутый венеч, низкую профилированную ножку и вертикально поставленные петлевидные ручки. Шейка сосуда довольно высокая, тулово со слабо выпуклыми боками резко сужается к ножке. Чаша изготовлена из хорошо отмученной светло-коричневой глины, с небольшой примесью измельченной слюды. Лак бледный, красновато-коричневого тона, отслаивается, изнутри сосуда серо-коричневый. Форма сосуда отражает этап развития кубков-канфаров V в. до н.э., украшавшихся нередко тисненым орнаментом (Гайдукевич 1959: 165, рис. 12) или яркой полихромной росписью — так называемые вазы группы St—Valentin (Горбунова 1972). Чаша из некрополя Панское I изготовлена, вероятно, не позднее второй четверти IV в. до н.э. (ср. Брашинский 1980: № 230-232).

Третий тип канфаров представлен двумя целыми сосудами (№ 82-83) и фрагментами ножек (№ 81а, рис. 6: 2, 4). Это вытянутые канфары с прямым, чуть отогнутым наружу венчиком и высокой ножкой. Выпуск их начался еще во второй четверти IV в. до н.э. и продолжался всю вторую половину столетия (Olynth XIII: № 510а, 513а; AA XII: 122). Они приходят на смену канфарам с литым венцом и по распространенности не уступают им. В погребальных комплексах канфары с прямым венцом обычно

встречаются вместе с фасосскими биконическими амфорами "развитого" варианта, с гераклейскими амфорами типов IA, II, IIA и III (классификация И.Б. Брашинского). Насколько этот тип сосудов заходит в III в. до н.э., по материалам Северного Причерноморья проследить трудно.

К четвертому типу относятся кубок с плоским дном, прямым расширяющимся горлом и вертикальными ручками (№ 84, рис. 6: 6). Тулово, слегка припухлое у дна, имеет колоколовидную форму. Сосуд покрыт тусклым красноватым лаком, нижняя часть его в цвете глины с потеками лака; глина оранжевая мелкозернистая с примесью измельченной слюды. Аналогичной формы кубки-канфары найдены при раскопках Никония (Жокожицкая 1986), Херсонеса (Белов 1972), Елизаветовского могильника (Брашинский 1980: № 204, 205), Истрии (Histria 1966 II: pl. 102), Ольвии (Козуб 1974: рис. 10: 4). К.К. Зайцева высказала предположение о том, что такие кубки являются продукцией хиосских и подражавших им ольвийских гончаров (Зайцева 1972; 1984). Она датировала поздний вариант кубков-канфаров первой половиной IV в. до н.э. На ольвийское происхождение сосуда из некрополя Панское I указывает состав глины, совершенно идентичный с образцами достоверно ольвийского производства. Судя по всему, в пределах первой половины IV в. до н.э. кубки-канфары позднего варианта стоят все же ближе к началу столетия.

Кружки (№ 85, 86) относятся к двум различным типам. Первая (№ 85, рис. 6: 5) на низком кольцевом поддоне, с туловом, украшенным рифлением в виде широких лепестков, четко отделенным от шейки, резко отогнутым горизонтальным венчиком. Ручка вертикальная, двуствольная. Аналогичной формы сосуды, исполненные из серебра, хорошо известны на территории Болгарии и относятся к V в. до н.э. Реплики этой формы в глине пользовались популярностью во второй половине V в. до н.э. По материалам афинской Агоры подобные сосуды не выходят за пределы V в. до н.э. (AA XII: 72).

Анализ погребальных комплексов, в состав которых входят такие сосуды, приводит к заключению, что в Северном Причерноморье кружки этого типа продолжают бытовать и в начале IV в. до н.э. — они встречаются в комплексах вместе с гераклейскими амфорами типа I по И.Б. Брашинскому, хиосскими колпачковыми амфорами, солонками типа пиксид, лекифами с сюжетными изображениями. Наш экземпляр по своим пропорциям, безусловно, принадлежит к позднему варианту кружек конца V в. до н.э.

Вторая кружка (№ 86, рис. 6: 9) весьма

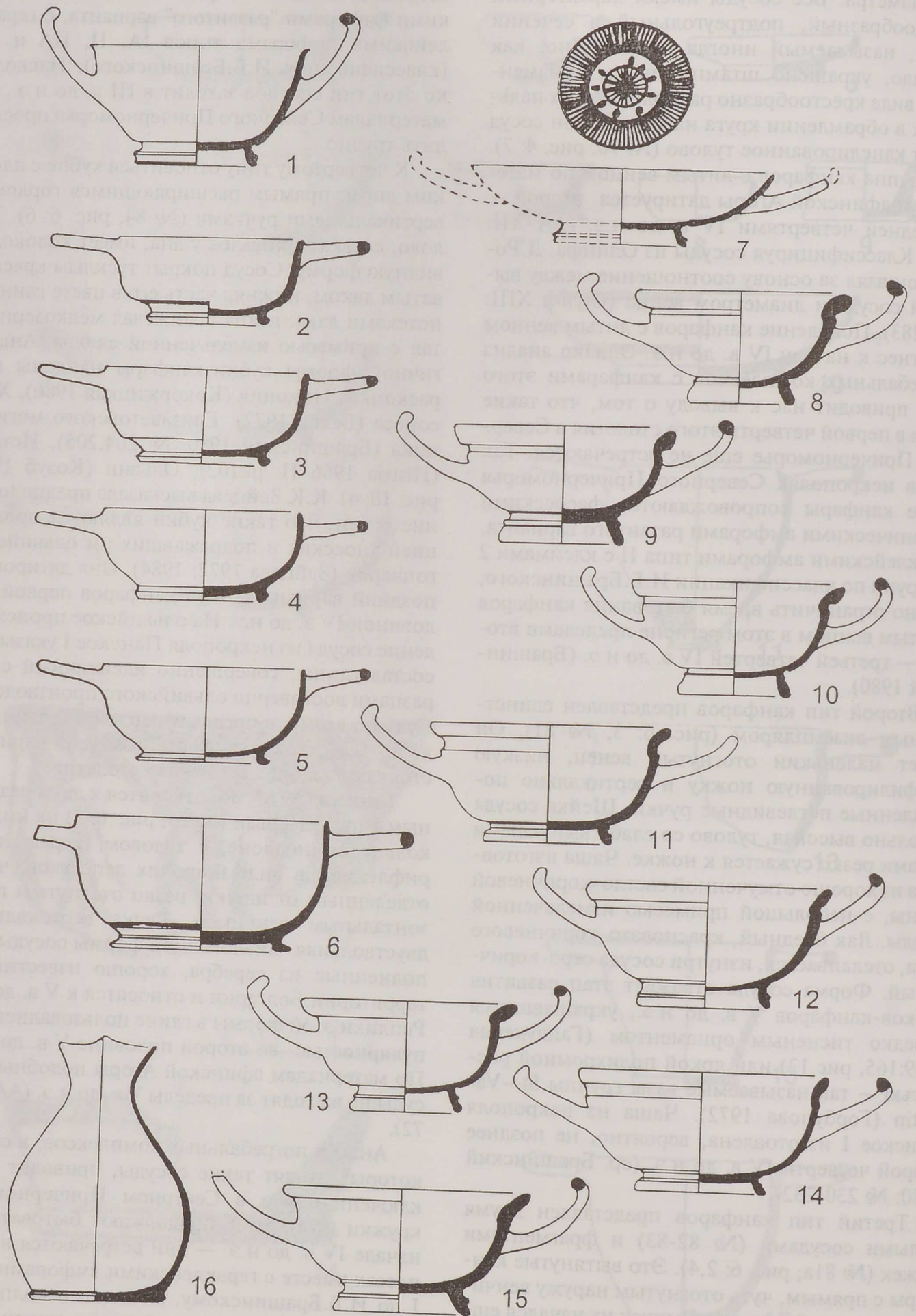

Рис. 5 Чернораковые килики и ойнохойя из некрополя Панское I. 1 - №68; 2 - №54; 3 - №53; 4 - №55; 5 - №56; 6 - №57; 7 - №52; 8 - №52; 9 - №69; 10 - №65; 11 - №61; 12 - №60; 13 - №40; 14 - №58; 15 - №67; 16 - №51.

Fig. 5 Black-lacquered kyliques and an oinochoe from Panskoye I. 1 - №68; 2 - №54; 3 - №53; 4 - №55; 5 - №56; 6 - №57; 7 - №52; 8 - №52; 9 - №69; 10 - №65; 11 - №61; 12 - №60; 13 - №40; 14 - №58; 15 - №67; 16 - №51.

редко встречающейся формы. Малое количество известных на сегодняшний день экземпляров указывает на кратковременность их выпуска. Издатели чернолаковой керамики из раскопок афинской Агоры учли всего 14 подобных сосудов. К ним следует добавить находки таких кружек в Аполонии (Аполония 1963: № 452) и на Родосе (Clara Rodos 1932 II p.120:46; p.147:5; 1932 VI-VII p.159, 187).

При определении даты сосуда из некрополя Панское I, как, впрочем, и всей этой группы предметов, основная трудность состоит в том, что большая их часть была найдена либо вне могил, либо они не сопровождалась другими вещами. Безусловно, отправным пунктом рассуждений следует взять общность оформления венца одноручных канфаров-кружек и канфаров с литым венцом. В эту же группу следует включить несколько экземпляров, отличающихся от нашего наличием второй ручки, но с тождественным оформлением венца. Такие сосуды найдены в Аполонии (Аполония 1963: № 471), в могильниках — Елизаветовском (Брашинский 1980: № 229), Белозерском (Скадовский 1897), Николаевском (Мелюкова 1975). Главным отличием кружек как с одной, так и с двумя ручками от канфаров с литым венцом является отсутствие треугольных площадок на верхних частях ручек — так называемых шипов. Вместе с тем, одинаковое оформление венца у всех трех разновидностей сосудов, а также близость пропорций, позволяет считать их едиными по происхождению и, очевидно, близкими по времени. Д.Робинсон датировал сосуды из Олинфа первой четвертью IV в. до н.э. На тот же период указывают и находки в некрополях Родоса. Кружка из Афин отнесена издателями ко второй четверти IV в. до н.э., а сосуд из некрополя Чигарелье даже к третьей четверти столетия (Cuadrado 1987: мог.97). В последнем случае, судя по инвентарю, могилу следует датировать все же второй четвертью IV в. до н.э. Таким образом, время бытования кружек-канфаров с литым венцом можно ограничить первой половиной IV в. до н.э. Наш экземпляр по пропорциям и особенностям профиля ближе всего к сосуду, найденному на Афинской Агоре (AA XII: № 705) и должен быть отнесен ко второй четверти IV в. до н.э.

Одноручные чаши (№ 87-90) имеют прямой край и стенки плавно сходящиеся к дну на низкой кольцевой подставке. Самая ранняя из них (№ 87, рис. 4: 1) является продукцией одного из ионийских центров. Изнутри стенки вместилища украшены полосами жидкого лака. Глина тонкая светло-коричневая, поверхность покрыта серым ангобом. Чаша, безусловно, должна быть отнесена еще к V в. до н.э.

Три другие чаши близки по форме и про-

порциям (№ 88-90, рис. 4: 4-6). Они изготовлены из грубоватой серой глины с примесью слюды и кварца; поверхность покрыта плохо сохранившимся серо-черным лаком. Все три сосуда относятся к продукции неустановленного центра. Чаши полусферической формы с одной горизонтальной петельчатой ручкой были необыкновенно популярны на протяжении всего V и значительной части IV вв. до н.э., однако, несмотря на это, в погребальных комплексах они встречаются не так уж часто. Наибольшую близость по форме чаши из некрополя Панское I обнаруживают с сосудами из Олинфа (Olynth XIII: № 679,706), которые относятся к раннему IV в. до н.э. Характерно, что после середины IV в. до н.э. этот тип сосудов в погребальных комплексах встречается все реже.

Чаша (№ 91, рис. 4: 10) как по профилю, по оформлению дна, так и по качеству лака принадлежит еще к V в. до н.э., скорее всего к последней его четверти. С внешней стороны края и в нижней части тулова имеется по два врезных желобка; на поддоне широкая полоса пурпурной краски. Остальная поверхность сосуда залита густым блестящим буровато-коричневым лаком. Дно украшено резным и штампованным орнаментом из пальметок, ов, врезных концентрических линий. Тарелки такого типа в погребальных комплексах Причерноморья нам не известны.

Блюдец (№ 92, рис. 4: 3) на кольцевой подставке, на подошве которой есть неглубокая кольцевая бороздка в цвете глины. На дне вместилища оттиснуты крестообразно расположенные пальметки. Блюдца с загнутым внутрь краем получили самое широкое распространение со второй четверти IV в. до н.э. и не утратили популярности почти до конца этого столетия. При датировке нашего сосуда мы исходим из очевидной близости его с экземпляром из колодца в квадрате 0 18:2 на афинской Агоре, относящегося к 350-320 гг. до н.э. (AA XII: № 887).

Солонки, найденные в некрополе, подразделяются на три типа. Первый, к которому относится солонка № 93, имеет плоское дно и загнутый внутрь край, она датируется последней четвертью V в. до н.э. Такие солонки нередко в погребальных комплексах Причерноморья — сошлемся лишь на хорошо датированные комплексы в некрополе Пичвнари (Кахидзе 1975: мог. 5, 6), а также в Ольвии (Козуб 1974: мог. 1902/98, 1920/43).

Второй тип представлен двумя солонками с широким дном, прямым горизонтальным (№ 94, рис. 4: 7) или овальным скошенным (№ 95, рис. 4: 9) венчиком и вогнутыми стенками. Д.Робинсон не без основания поставил в связь

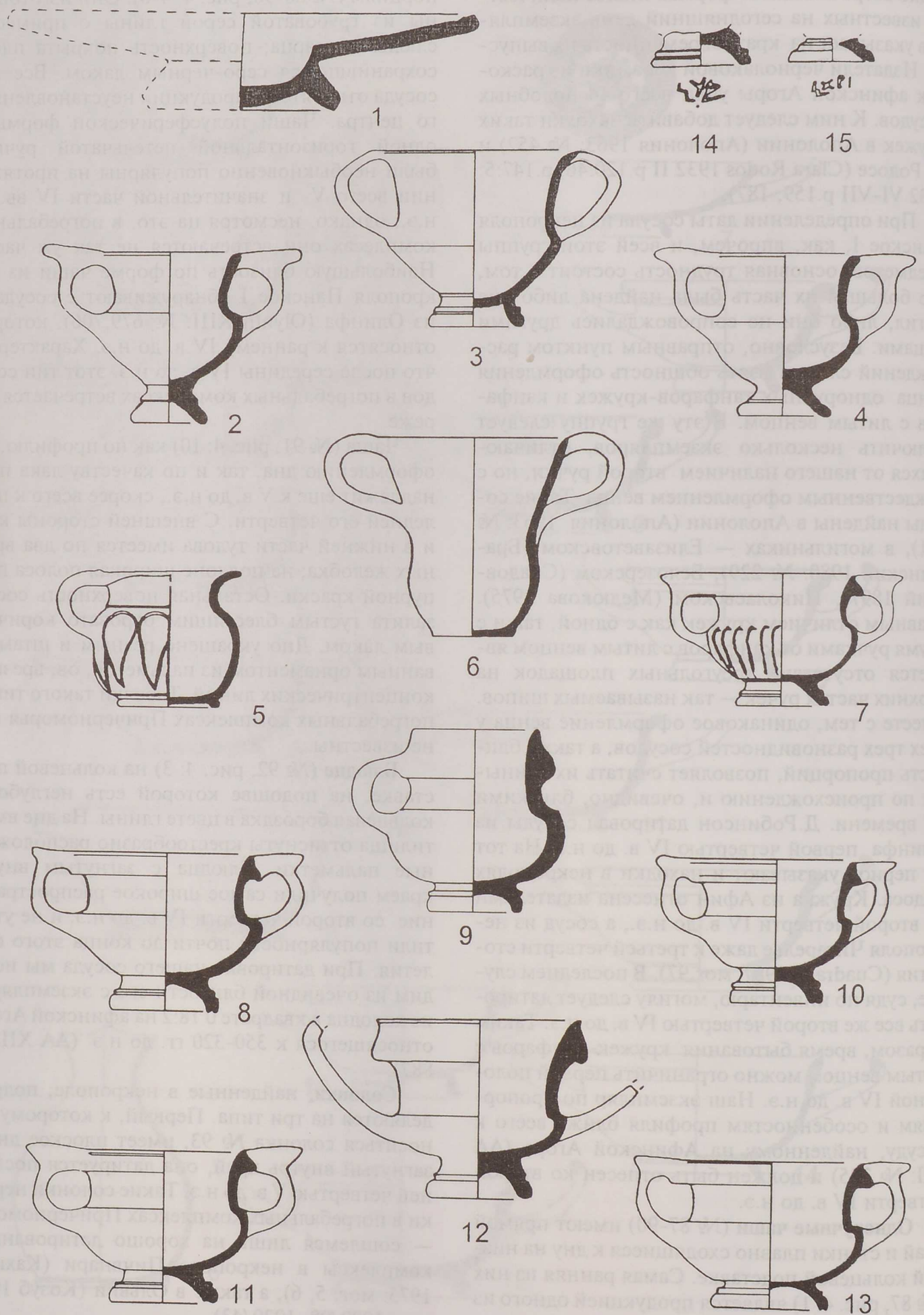

Рис. 6 Чернлаковое блюдо, канфары и кружки из некрополя Панское I. 1 - №97; 2 - №83; 3 - №81; 4 - №82; 5 - №85; 6 - №87; 7 - №76; 8 - №77; 9 - №86; 10 - №80; 11 - №81; 12 - №69; 13 - №78; 14 - №80а; 15 - №81а.

Fig. 6 A black-lacquered dish, kantharoi and mugs from Panskoye I. 1 - №97; 2 - №83; 3 - №81; 4 - №82; 5 - №85; 6 - №87; 7 - №76; 8 - №77; 9 - №86; 10 - №80; 11 - №81; 12 - №69; 13 - №78; 14 - №80а; 15 - №81а.

солонки с вогнутыми стенками с пиксидами такой же формы, выделив при этом шесть разновидностей типа (Olynth XIII: 386-387). Распространение указанных солонки чрезвычайно широко. Что касается хронологических рамок, то нет никаких сомнений, что выпуск их начинается еще во второй половине V в. до н.э.; издатели материалов Афинской Агоры отмечают особую популярность солонки этого типа во второй и третьей четвертях IV в. до н.э. (AA XII: 137). Однако в погребальных комплексах Северного Причерноморья подобные солонки не встречаются с вещами характерными для середины — третьей четверти IV в. до н.э. Следует, видимо, предполагать, что поступление их в Северное Причерноморье заканчивается еще до середины столетия. Оба наших экземпляра датируются первой половиной IV в. до н.э.

Третий тип представлен чашечкой-солонкой на высокой кольцевой подставке с вогнутым внутрь венцом (№ 96, рис. 4: 2). Она изготовлена из светло-коричневой глины с примесью измельченной слюды; покрыта тусклым серо-черным лаком. Судя по форме и пропорциям, солонка относится к концу IV — началу III вв. до н.э.

Из тризн некрополя происходят два обломка краснофигурных **асков** (№ 98, 99 рис. 1: 3; 3: 3). Оба они принадлежат сосудам с плоским дном, низким вместилищем и дугообразной или петлевидной ручкой. На сосуде № 98 сохранилась роспись верхней и нижней частей тулова — растения, стилизованные как волюты, лавровые ветви. На втором сосуде — два грифона, обращенные навстречу друг другу. Такие аски стречены при раскопках многих городов и некрополей Северного и Западного Причерноморья, датировка их первой половиной IV в. до н.э. общепризнана.

Туалетным флаконам в комплексах некрополя Панское I принадлежит ведущая роль. Их было найдено в могилах 39 экземпляров. По форме и оформлению поверхности сосуды подразделяются на несколько типов.

Чернофигурный сетчатый **алабастр** найден в одной могиле со стеклянным и тремя алебастровыми алабастрами (№ 100, рис. 2: 5). Сосуд украшен орнаментальными поясами белой накладной краски и черного лака. Алабастры, употреблявшиеся для хранения душистых масел, чаще встречаются в более раннее время — в VI и первой половине V вв. до н.э. Позднее они фактически выходят из употребления. Весьма близкий по орнаменту экземпляр происходит из раскопок некрополя Мирины (Rottig, Reinach 1887: № 576). Больше отличий в оформлении поверхности обнаруживает алабастр из некрополя Ампурии (Almagro 1953: 1:48:5). Из Ольвии происходят два алабастра,

один из которых как по форме так и по орнаменту абсолютно идентичен нашему сосуду. Оба алабастра куплены в 1912 году у Эльтермана в Ольвии (Архив ИИМК д.381/ 1912: 109, 110). Достаточно близкий экземпляр найден в Пантикапее вместе с двумя сетчатыми лекифами (Шкропил 1904: мог.6), что и позволяет датировать его временем не ранее начала IV в. до н.э. Наш сосуд также относится к концу V или началу IV вв. до н.э.

Другой, пожалуй, даже более редкой формы сосуд принадлежит к группе **амфорисков** (№ 101). Он украшен рельефными ребрами из накладной глины, делящими поверхность тулова на четыре сектора. Два из них покрывает густой сетчатый орнамент, два других расписаны чередующимися белыми и черными полосами. В декоре присутствует белая накладная краска. Близких аналогий амфориску подобрать не удалось. По характеру орнамента и качеству лака сосуд можно отнести к первой половине IV в. до н.э.

Лекифы в нашей выборке представлены несколькими типами (№ 102-126).

Первую группу составляют краснофигурные лекифы с сюжетными изображениями, выпуск которых начинается во второй половине V в. до н.э. и продолжается до рубежа первой и второй четверти IV в. до н.э. Многочисленные комплексы, содержащие подобные лекифы, в разных частях античного мира позволяют считать такую их датировку надежно обоснованной.

Лекиф (№ 105, рис. 2: 6; 7: 4) по классификации Т.Иванова относится к VI типу краснофигурных лекифов. На тулове изображена женская голова в профиль вправо. Сосуд как по форме, так и по характеру росписи не принадлежит к ранним образцам серии; его дата лежит в пределах первой четверти IV в. до н.э.

Этим же временем датируется второй лекиф с изображением пятнистой лани, обращенной влево над полосой ов (№ 104, рис. 2: 7; 7: 2).

Два лекифа с изображением лебедя принадлежат к разным типам классификации Т.Иванова: № 101 к типу VI, № 103 к типу VII. Несколько отличаются и рисунки на обоих лекифах: на одном крылья лебедя подняты вверх (№ 102, рис. 2: 9; 7: 1), рисунок нанесен небрежно. На другом, фигура птицы выписана более тщательно, крылья аккуратно сложены, под клювом растительный побег (№ 103, рис. 2: 8; 7: 3). Анализ изображений на лекифах этой серии показывает, что тип лекифа не связан с особенностями сюжета, а поза птицы не является датирующим признаком. Судя по погребальным комплексам, содержащим лекифы с изображением лебедя, вся серия таких сосудов датируется в пределах второй половины V — первой чет-

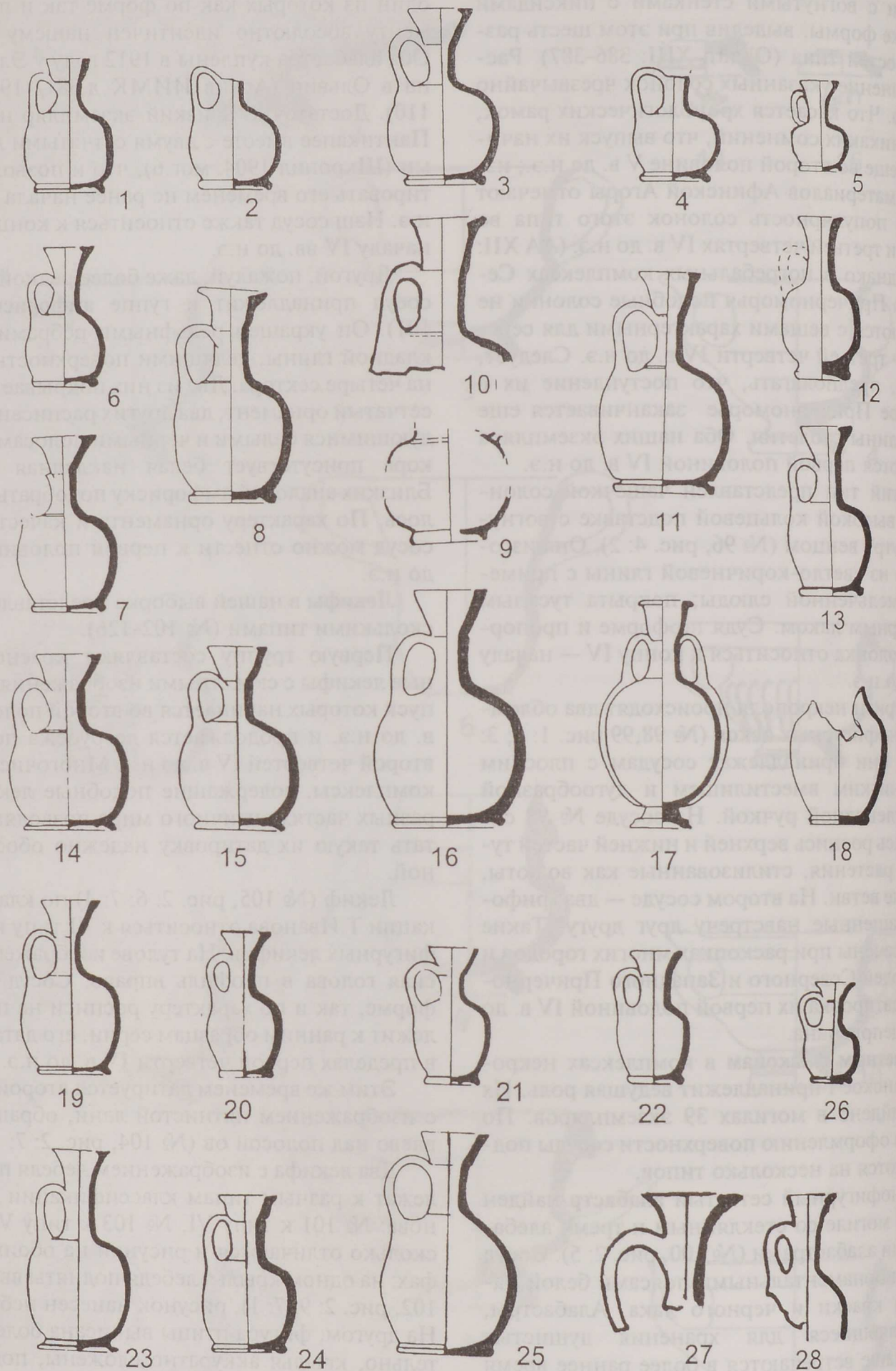

Рис. 7 Лекифы из некрополя Панское I. 1 - №102; 2 - №104; 3 - №103; 4 - №105; 5 - №107; 6 - №108; 7 - №109; 8 - №110; 9 - №111; 10 - №112; 11 - №113; 12 - №115; 13 - №114; 14 - №116; 15 - №117; 16 - №118; 17 - №101; 18 - №126в; 19 - №119; 20 - №124; 21 - №123; 22 - №125; 23 - №122; 24 - №121; 25 - №120; 26 - №126; 27 - №126б; 28 - №126д.

Fig. 7 Lekythoi from Panskoye I. 1 - №102; 2 - №104; 3 - №103; 4 - №105; 5 - №107; 6 - №108; 7 - №109; 8 - №110; 9 - №111; 10 - №112; 11 - №113; 12 - №115; 13 - №114; 14 - №116; 15 - №117; 16 - №118; 17 - №101; 18 - №126в; 19 - №119; 20 - №124; 21 - №123; 22 - №125; 23 - №122; 24 - №121; 25 - №120; 26 - №126; 27 - №126б; 28 - №126д.

верти IV вв. до н.э. Близкие аналогии позволяют отнести лекиф № 102 к концу V в. до н.э., лекиф № 103 к первой четверти IV в. до н.э.

Пятый лекиф сохранился фрагментарно — на тулове, вероятнее всего, была изображена сидящая пантера вправо с поднятой левой лапой (№ 106). Шерсть передана точками разбавленным лаком, детали мускулатуры — пером, без контурной линии. Сосуд также следует относить к раннему IV в. до н.э.

Четыре экземпляра составляют группу лекифов с полосой в цвете глины по тулову (№ 116-118, рис. 7: 14-16). В погребальных комплексах подобные сосуды многочисленны и встречаются повсеместно. Характер орнамента позволяет различать несколько ее видов: одна или несколько полос в цвете глины, полосы заполненные "гусиками" или меандром, вертикальная или косая штриховка. Хронологической последовательности в орнаментации не прослеживается. Таким орнаментом лекифы начали украшать еще со второй половины VI в. до н.э., но особенно широкой популярностью он пользовался на рубеже V — IV вв. до н.э. — на это время, очевидно, падает пик выпуска таких сосудов. Т.Иванов два лекифа с полосами по тулову датировал 360-350 гг. до н.э. (Аполония 1963: № 44,51). Основанием для столь поздней датировки послужила находка в той же могиле, где найдены лекифы с полосами, двух полихромных сосудов среднего периода керченского стиля. Не говоря о том, что средний период керченского стиля, выделенный в свое время К.Шефольдом (Schefold 1934), требует удреждения как минимум на два-три десятилетия, набор погребального инвентаря из могилы № 290 некрополя Аполонии, скорее всего, должен быть отнесен к концу первой или началу второй четверти IV в. до н.э. Хотя сама по себе возможность присутствия лекифов с полосами по тулову, как и всей группы лекифов с сюжетными изображениями, в комплексах второй четверти IV в. до н.э. не может исключаться.

Большую группу составляют сетчатые лекифы (№ 119-125, рис. 7: 19-25). Они, наряду с лекифами, украшенными пальметкой, были весьма популярны и широко распространены. Очевидно, они сменяют лекифы с сюжетными изображениями и лекифы с полосой по тулову. Выпуск лекифов, украшенных сетчатым орнаментом, начинается еще в первой четверти IV в. до н.э. и продолжается до конца третьей четверти столетия. В этой серии можно выделить ранние экземпляры, отличающиеся, помимо тщательного клетчатого рисунка, оформлением горла, которое украшалось вертикальными белыми полосами накладной краски. К числу таких сосудов в нашей коллекции принадлежат два (№ 119,122).

Лекифы № 107-115 составляют группу сосудов украшенных пальметкой. Наиболее ранние экземпляры их появляются одновременно с сетчатыми в первой четверти IV в. до н.э. На протяжении второй и третьей четвертей IV в. до н.э. лекифы обеих серий остаются постоянным элементом погребального инвентаря греческих некрополей Северного Причерноморья. Все лекифы с пальметкой нашей выборки относятся к типу VII по классификации Т.Иванова и датируются в пределах второй — третьей четвертей IV в. до н.э.

Последний лекиф нашей коллекции (№ 126) не имеет никаких украшений — его поверхность полностью залита черным лаком (рис. 7: 26). По аналогии с сосудом из Олинфа он датируется второй четвертью IV в. до н.э. (Olynth XIII: мог.527).

Анализ расписной и чернолаковой керамики некрополя Панское I показывает, что большинство сосудов составляет рядовая массовая продукция аттических гончарных мастерских. Лишь несколько сосудов выделяется качеством своего изготовления: килик "мастера чаш из Иены", кратер редкой формы, алабастр, амфориск. Небольшая группа сосудов не является изделиями аттических гончаров, а происходит из каких-то пока достоверно неустановленных центров производства керамических сосудов. Есть серьезные основания считать, что это были малоазийские центры. Один сосуд по своим характерным признакам может быть связан с продукцией местных гончаров, работавших в Ольвии.

В хронологическом отношении комплекс расписной и чернолаковой керамики некрополя достаточно единообразен. Подавляющее число сосудов относится к первой половине IV в. до н.э. Наряду с этим можно выделить немногочисленные образцы керамических сосудов второй половины — конца V в. до н.э. (№ 52,87,91,93); скорее всего, они были привезены с собой основателями поселения. Предметов, надежно датирующихся концом IV — началом III вв. до н.э., немного (№ 82,83,96). Это объясняется не только тем, что могил, относящихся к этому периоду, открыто сравнительно мало, но и тем, что к концу IV в. до н.э. происходят существенные изменения в погребальном обряде — набор погребального инвентаря становится беднее и керамические сосуды встречаются реже.

Что касается датировочных возможностей различных групп керамических сосудов, то по нашим наблюдениям, они не одинаковы. Некоторые категории керамических сосудов, судя по потертостям и следам ремонта, перед тем как оказаться в составе погребального инвентаря, довольно долго использовались в хозяйстве.

Между тем, среди лекифов лишь один сосуд оказался сильно потертым, лаковое покрытие местами осыпалось (№ 115), он явно попал в могилу не новым. Если учитывать, что находки целых лекифов или их обломков в культурных слоях поселений, в том числе и поселения Панское I, явление не частое, надо думать, что в быту эта категория сосудов почти не употреблялась. Есть веские основания связывать лекифы исключительно с погребальным культом.

Анализ материалов некрополей показывает, что присутствие в могилах лекифов не связано с какой-то одной половозрастной группой — эти сосуды встречаются как в мужских так и женских и даже детских захоронениях. Обратим внимание и на то, что лекифы вместе со стригилями встречаются не часто; в большин-

стве могил, где встречены стригили, отсутствуют лекифы, а тех могилах, в которых лекифы присутствуют, в большинстве случаев нет стригилей. Совершенно очевидно, что присутствие лекифов в могиле совсем не обязательно характеризует погребальный инвентарь как палеострический. Скорее всего, лекифы покупались специально для погребальных церемоний, во время которых тело умершего должно было быть умащено маслом и во время выставления маслом же и поливаться. Иными словами, из всех категорий погребального инвентаря, именно туалетные флаконы, прежде всего, лекифы, быстрее всего попадали в погребение. Для датировки, для хронологических разработок эта категория керамических сосудов, наряду с амфорами, предпочтительнее всего.

- Белов, Г.Д. 1945. Краснофигурный кратер из Херсонеса // Труды отдела истории искусства и культуры античного мира Государственного Эрмитажа 1: 141-145. Ленинград.
1972. Ионийская керамика из Херсонеса // Труды Государственного Эрмитажа 13: 17-21.
- Бессонова, С.С., Е.П. Бунатян, Н.А. Гаврилюк. 1988. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Наукова думка.
- Блаватский, В.Д. 1953. История античной расписной керамики. Москва: Академия наук СССР.
- Брашинский, И.Б. 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в 5-3 вв. до н.э. Ленинград.
- Гайдукевич, В.Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов. По материалам раскопок 1930-х годов // Материалы и исследования по археологии 69: 154-328.
- Горбунова, К.С. 1972. Аттические вазы группы St.-Valentin. // Труды Государственного Эрмитажа 13: 62-77.
1977. Краснофигурный килик, найденный в некрополе Панское I // История и культура античного мира: 41-45. Москва.
- Гриневич, К.Э. 1959. Аттический краснофигурный оксибаф № 1517 из Херсонеса как датировочный термин для древнегреческой оборонительной стены // Херсонесский сборник 5: 115-119. Симферополь.
- Зайцева, К.И. 1972. Кубки 5-4 вв. до н.э. из Ольвии // Труды Государственного Эрмитажа 13: 90-97.
1984. Ольвийские кубки и канфары 6-4 вв. до н.э. // Труды Государственного Эрмитажа 24: 110-124.
- Иванов, Т. 1963. Античная керамика от некрополя на Аполония // Аполония. Разкопките в некрополя на Аполония през 1947-1949. София.
- Кахидзе, А.Ю. 1975. Античные памятники Восточного Причерноморья. Греческий могильник Пичвнари. Батуми. (на груз., резюме на рус. яз.)
- Козуб, Ю.И. 1974. Некрополь Ольвии 5-4 ст. до н.э. Киев: Наукова думка.
- Кокоржицкая, Т.Н. 1986. Хиосские чернолаковые кубки из Никония // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Мелюкова, А.И. 1975. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. Москва: Наука.
- Онайко, Н.А. 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в 4-3 вв. до н.э. // Свод археологических источников Д1-27. Москва.
- Парович-Пешикан, М.Б. 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев.
- Скадовский, Г.Л. 1897. Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. // Труды 8 археологического съезда 3: 75-108.
- Фармаковский, Б.В. 1911. Памятники античной культуры, найденные в России 4. Ольвийские древности из коллекции Н.Ф. Романченко в Санкт-Петербурге. // Известия археологической комиссии 42: 134-143.
- Шкротил, В.В. 1904. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // Известия императорской археологической комиссии 9. Санкт-Петербург.
- Alexandrescu, P. 1966. Necropola tumulara // Histria. II.
- Almagro, M. 1953. Les necropolis de Ampurias. I. Barselona.
- Antonsson, O. 1958. Antik Kunst. Stockholm.
- Ebert, M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Marizyn, Gouv. Cherson [Sudrusland] // Prachistorische Zeitschrift. 5:1; 1-80; taf. 1-3.
- Clara Rodos, 1928-1944. Studi e materiali pubblicati a cura dell Istituto storico-archeologico di Rodi.
- Cudrado Emeterio D. 1987. La Necropolis Iberica de 'El Cigarralajo' // Bubliceca Praehistorica Hispana. 23. Madrid
- Richter, G.M.A. 1946. Attic red-figured Vases. New Haven, Yale university press; London, G. Cumberlege, Oxford university press.
- Robinson, D.M. 1950. Vases Found in 1934 and 1938 // Excavations at Olynthus 13. Baltimore.
- Pottier, E. 1922. Catalogue des vases antiques Vusee de Louvre 3. Paris.
- 1922 A. Vases antiques du Louvre 3. Paris.
- Pottier, E., S. Reinach. 1887. La necropole de Myrina. Recherches archeologiques au nom et aux frais de l'Ecole française d'Athenes. Paris, Thorin.
- Schefold, K. 1934. Untersuchungen zu der Kertschen Vasen. Berlin.
- Sparkes, B.A., L. Talcott. 1970. The Black and Plain Pottery of 6 th., 5 th. and 4 th. Centuries B.C. // The Athenian Agora. Resuts of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens 12. Princenton, New Jersey.
- Ure, A.D. 1944. Red-figure cups with inosed and stamped decoration. Part. 2 // The Journal of Hellenic Studies 64: 67-77; pl. 1-7.

PAINTED AND BLACK-LACQUERED CERAMICS FROM THE NECROPOLIS OF PANSKOYE I

Painted and black-lacquered pottery excavated in 1969-86 from the necropolis of Panskoye I, northwestern Crimea, is described.

These vessels make up more than a half of the ceramic assemblage of the necropolis. Their total number is 68, some are intact and some fragmented; most were found in the graves. A few vessels were discovered among the artifacts that had remained after the burial feasts, and some were found either in or between the burial mounds.

Traditional terms common in the Russian and Western literature are used (Robinson 1950; Sparkles, Talcott 1970). Typological attributions were made with reference to Ivanov's classification (Apollonia 1963).

Most of the assemblage belongs to the mass production of Attic workshops. There are only few high-quality vessels: a kylix made by the "master of Jena" (no.58), a krater of an unusual form (no.48), an alabastron (no.100), and an amphoriskos (no.101). A few vessels were made not in Attic but in some other centres, which have not yet been localized.

The most numerous vessels are lekythoi (25 of them were found). Kylikes are on the second place (16 specimens). There are four one-handed bowls, three skyphoses and salt-cellar, two mugs, one oi-nochoe, one alabastron, one amphoriskos, one saucer, and one fish plate. Graffiti were found on five kylikes, six kantharoi, two one-handed bowls, and one salt-cellar.

Chronologically, the assemblage is rather uniform. The vast majority of the specimens dates from the first half of the 4th century B.C., and some from about 350-325 B.C. A few vessels (nos.52, 87, 91, and 93) were made in the second half of the 5th century. They were apparently brought by the founders of the site. Only three vessels (nos.82, 83, and 96) can be securely dated to late 4th - early 3d century B.C. This is partly due to the fact that only few graves of that period have been excavated so far. Also, at the end of the 4th century significant changes in the burial rite occurred, burial goods became less abundant, and pottery was less often placed in the graves.

Важнейшим фактом является то, что керамика, найденная в некрополе Панское I, относится к массовому производству атических мастерских. Среди немногих высококачественных изделий выделяется келикс работы мастера из Йены (№ 58), крater необычной формы (№ 48), алабастрон (№ 100) и амфорискос (№ 101). Несколько изделий изготовлено не в Атике, а в других центрах, которые пока не локализованы.

Самыми многочисленными изделиями являются лекифы (25 экземпляров). На втором месте по количеству находятся келиксы (16 экземпляров). Кроме того, найдены четыре одно-ручные чаши, три скифы и солонка, две чашки, одна ойнохос, один алабастрон, один амфорискос, одна тарелка и одна рыба-тарелка. Граffiti обнаружены на пяти келиксах, шести кантароис, двух одно-ручных чашах и одной солонке.

Хронологически ансамбль довольно однороден. Большинство экземпляров датировано первой половиной IV в. до н.э., некоторые относятся к ок. 350-325 гг. до н.э. Несколько изделий (№№ 52, 87, 91, 93) изготовлено во второй половине V в. Они, видимо, были привезены в этот пункт первооткрывателями. Только три изделия (№№ 82, 83, 96) можно уверенно датировать позднему IV - началу III в. до н.э. Это связано с тем, что до сих пор раскопано очень мало захоронений этого периода. Кроме того, в конце IV в. произошли значительные изменения в погребальном обряде,随物随葬变得不那么普遍,陶器被放入坟墓的次数也减少了。